

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 821.111(73)

Поэтика повседневности в романе Х. Моррис «Татуировщик из Освенцима»

Алёна Андреевна ФОМИНА

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
 fominaa899@gmail.com

Аннотация. Охарактеризованы современные научные представления о феномене повседневности и способах его воплощения в художественном произведении. Проанализирована концлагерная повседневность, изображенная в романе Х. Моррис «Татуировщик из Освенцима». Определены наиболее значимые аспекты этой повседневности, влияющие на сознание, поведение, поступки главных героев романа. Уточнены перспективные направления дальнейшего исследования романа в контексте произведений, посвященных рефлексии Второй мировой войны и проблем Холокоста.

Ключевые слова: современная литература, Х. Моррис, Татуировщик из Освенцима, Вторая мировая война, концлагерь, повседневность

Для цитирования: Фомина А.А. Поэтика повседневности в романе Х. Моррис «Татуировщик из Освенцима» // Державинский форум. 2025. Т. 9. № 1. С. 64-70.

ORIGINAL ARTICLE

UDC 821.111(73)

The Poetics of everyday life in H. Morris' novel “The Tattooist of Auschwitz”

Alena A. FOMINA

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation
 fominaa899@gmail.com

Abstract. The modern scientific ideas about the phenomenon of everyday life and the ways of its embodiment in a work of art are characterized. The concentration camp daily life depicted in H. Morris' novel “The Tattooist of Auschwitz” is analyzed. The most significant aspects of this everyday life that influence the consciousness, behavior, and actions of the main characters of the novel are identified. The perspective directions of further research of the novel in the context of works devoted to the reflection of the Second World War and the problems of the Holocaust are clarified.

Keywords: modern literature, H. Morris, The Tattooist of Auschwitz, World War II, concentration camp, everyday life

For citation: Fomina, A.A. (2025). The Poetics of everyday life in H. Morris' novel “The Tattooist of Auschwitz”. *Derzhavinskii forum = Derzhavin Forum*, vol. 9, no. 1, pp. 64-70.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема повседневности давно и успешно изучается учеными, представляющими разные сферы гуманитарной науки: К.А. Воротынцевой, В.Б. Жиромской, М.М. Иоскевич, М.М. Кромом, Ю.А. Поляковым, Н.Л. Потаниной, Т.Г. Струковой и др.

В современных исследованиях повседневность трактуется как нечто повторяющееся, рутинное, позволяющее создавать и поддерживать порядок в обществе. Вместе с тем повседневность может осознаваться и как явление переменное и противоречивое (например, при осмыслиении исторического процесса) [1, с. 9].

В литературных произведениях повседневность обязательно подвергается рефлексии [2], поэтому «...в анализе актуализаций представлений о повседневности необходимо учитывать не только точку зрения героя или литературного персонажа, но и точку зрения нарратора – более высокой повествовательной инстанции...» [3, с. 103].

Повседневность в художественном тексте есть «реализованная эмпирическим автором целостная система культурных кодов и практик, в которой представлена вся полнота бытия/поведения человека. С этой системой индивидуум соотносит свое восприятие мира и переживания, в ней производятся значения, создаются и преобразуются объекты. <...> Внутри повседневности как знаковой системы бытийное объединено с бытовым, в ней заключен культурный код семьи, группы, народа, страны» [1, с. 14].

Цель исследования состоит в осмыслиении особенностей изображения повседневности в романе австралийской сценаристки, писательницы Хезер Моррис (Heather Morris, p. 1953) «Татуировщик из Освенци-

ма» (The Tattooist of Auschwitz, 2018)¹. Роман основан на реальной истории Людовига (Лале) Соколова (урожд. Эйзенберга) (1916–2006), оказавшегося в начале Второй мировой войны в концентрационном лагере Аушвиц-Беркенау (Освенцим). В его обязанности входило нанесение татуировки – порядкового номера – заключенным лагеря. Лале не просто выжил в нечеловеческих лагерных условиях, но и встретил здесь будущую жену. В течение многих месяцев Х. Моррис беседовала с Лале Соколовым, который смог откровенно рассказать о пережитых ужасах военного времени только после смерти жены (Гизела ушла из жизни в 2003 г.).

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалом исследования является роман Х. Моррис «Татуировщик из Освенцима» – одно из современных произведений, в которых осмысливаются Вторая мировая война, Холокост, концлагерная повседневность и решаются проблемы исторической/культурной памяти, непреодоленного прошлого, вины и ответственности, травматического опыта военного поколения.

Методика исследования основана на комплексном подходе, сочетающем элементы биографического, культурно-исторического, герменевтического, психологического, рецептивного методов и подходов.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Н.Л. Потанина и А.В. Белозерова предлагают рассматривать повседневность как «целостный социокультурный жизненный мир, предстающий в функ-

¹ Моррис Х. Татуировщик из Освенцима / пер. с англ. И. Иванченко. Санкт-Петербург: Азбука – Аттикус, 2021. 320 с.

ционировании общества как «естественное», самоочевидное условие человеческой жизнедеятельности» [2, с. 65].

Т.Г. Струкова понимает под повседневностью, воплощаемой в литературном тексте, «усвоенный, закрепленный результат» [1, с. 13]. В произведении «иллюзорное и реальное, событие и рассказывание» отделить друг друга весьма затруднительно [1, с. 13-14]. Можно предположить, что в ходе творческого процесса происходит слияние автора с его рукописью, ведь писатель нередко знакомит нас с повседневностью, преломленной через призму собственного восприятия.

К.А. Воротынцева рассматривает повседневность как «динамическое и смысловое отношение события и нормы» [3, с. 102]. Нормированностью в данном случае является такая «последовательность действий» в повествовании, которая «предсказуема» именно для героев, а не для читателя [3, с. 102]. Событие в свою очередь должно быть «хронотопично», для него свойственна «гетерогенность» [3, с. 102].

М.М. Иоскевич отмечает, что, используя понятие «повседневность», мы имеем в виду «устойчивость, привычность, упорядоченность» [4, с. 4]: «В художественном тексте речь идет о повседневности героя, либо группы персонажей, социальной общности, класса, нации» [4, с. 4]. М.М. Иоскевич выделяет «я-повседневность», под которой подразумевает «жизненный мир персонажа», состоящий из «личного и социального пространств», в которых персонаж существует и «реализует себя» [4, с. 4-5]. Исследователь подчеркивает, что повседневность представляет собой «изображение устойчивых, регулярно повторяющихся (возобновляемых) жизненных практик персонажа либо группы персонажей (социальной группы, общности, нации и т. д.), локализуемых в определенном времени и пространстве». Обыден-

ность, по мнению М.М. Иоскевич, – это «...составляющая художественного мира произведения, ответственная за реалистическое воспроизведение вымышенной реальности» [4, с. 4-5].

«Повседневность реализуется в слитности культуры и общества, выступает хранителем традиций, и в этом плане она затрагивает все сферы, включая религию, искусство, литературу, науку, потому что они способны существовать длительное время только в форме определенных общественных <...> институтов. Индивидуальная повседневность сама по себе есть вид опыта, усвоение того, с чем человек встречается в течение жизни», – констатирует Т.Г. Струкова [1, с. 14]. И индивидуальная, и общественная повседневность в равной степени влияют на человека. Любая повседневность конкретна, предметна и реальна.

Повседневность в художественном тексте – это не только и не столько фон для происходящих событий. Обыденность – «начальная точка рассказывания, место образования смысла» [1, с. 15]. В центре – всегда человек, поэтому повседневность в произведении включает в себя разнообразные аспекты: общественную жизнь и внешний мир; частная, отдельная жизнь персонажа, в которой существование человека реализуется в разных «ипостасях, – телесное / душевное / духовное, обычное / необычное <...>» [1, с. 15]. Важен еще один аспект: «...эмоции, которые спровоцированы обыденными обстоятельствами, причем событийность или бес событийность может быть как индивидуальной, так и групповой» [1, с. 15].

М.М. Кром в работе «Повседневность как предмет» (2003 г.) обращается к статье немецкого социолога Норберта Элиаса «О понятии повседневности», утверждающего: «Повседневность как противоположность празднику; повседневность как рабочий день – в противоположность жизненному миру тех, кто живет в рос-

коши, праздности; повседневность как жизнь народных масс – в противоположность жизни высокопоставленных и могущественных лиц» [5, с. 4-5]. Последний тезис тождествен позиции Т.Г. Струковой, полагающей, что повседневность «исторична», «всегда погружена в историю <...>» [1, с. 16], то есть обыденность в тексте отражает особенности определенной эпохи.

Занимаясь изучением такого явления, как повседневность в художественном произведении, по мнению Т.Г. Струковой, важно учитывать, «как обыденность изображается в произведении, кто о ней говорит, <...>, как повседневность исторически, социально, национально...» определяется, «какая повседневность описывается (коллективная, индивидуальная, этническая, социальная), прослеживается ли в тексте конфликт... повседневностей» [1, с. 19]. Таким образом, обращение к повседневности в художественном тексте является принципиальным, и, чтобы проанализировать особенности повседневности в тексте, нужно понять, как, посредством чего и кем она отрефлексирована: автором, героем, с помощью описания социальной среды, исторического контекста, локальных событий.

Повседневность в произведении исследуется с помощью «бинарных оппозиций: внешний мир / внутренний мир, обыденный мир / возвышенный мир, аутентичный мир / неаутентичный мир, быт/творчество. Обыденность – это разрушительная сила, которой герой или противостоит, или подчиняется. <...> Аксиологические доминанты четко обозначаются по линии добро/зло, нравственно/безнравственно, старое/новое...» [1, с. 15-16]. Таким образом, обыденность в художественном тексте можно рассматривать как категорию, которая реализуется в виде противоборства двух каких-либо сил, начал.

В качестве способа изображения обыденности Т.Г. Струкова выделяет наглядность как принцип кодирования повседневности [1, с. 18]. «Эффект веществности, образности, телесности...» дает возможность читателям расшифровывать, узнавать, изучать изображенную автором повседневность [1, с. 18].

Таким образом, главным объектом изображаемой повседневности является герой, а писателя, прежде всего, интересует, *как этот герой существует в той или иной повседневности*.

Говоря о концлагерной повседневности Лале Соколова и Гизели (Гиты) Фурман, можно отметить следующее. Жизнь Соколова как будто бы поделена на несколько этапов: беззаботное прошлое, страшное настоящее и желанное будущее. В плену ему грезились события минувших дней, не омраченных болью: «Лале медленно просыпается, не в силах отрешиться от сна, вызвавшего улыбку на его лице» [6, с. 52]. Во сне герой видит «самый яркий момент его ежедневной рутины – это когда он проходит по отделу женской одежды, где служит» [6, с. 52]. В его концлагерной повседневности, страшном настоящем, было место и прекрасному – любви. Во время работы татуировщик замечает девушку, изменившую всю его жизнь: «Ее глаза как будто пляшут перед его взором. Глядя в эти глаза, он чувствует, что у него остановилось сердце, но в тот же миг оно начинает сильно биться, едва не выпрыгивая из груди» [6, с. 57].

Первые минуты пребывания в концлагерной повседневности предопределили установку на будущее, на повседневность без слез, боли и смертей: «В тот вечер, когда меня сюда привезли, я поклялся, что выживу в этом аду» [6, с. 160]. Дополнительным, мощным стимулом выжить и обрести свободу для Лале стали неожиданно возникшие чувства к Гите, заключенной номер 34902:

– Но у нас нет будущего, – утверждает девушка.

<...>

– Есть. Для нас настанет завтра. Мы все преодолеем и заживем жизнью, в которой будем вольны целоваться, когда захотим... – переубеждает ее Лале [5, с. 160].

Концлагерная повседневность только укрепляет надежды Лале на светлое будущее, в наступлении которого татуировщик теперь не сомневался.

Основывая свои размышления на исследовательской позиции Т.Г. Струковой, справедливо полагающей, что в центре повседневности находится человек, существование которого рассматривается с разных сторон, заметим: при изображении обыденной жизни узника учитывается его эмоциональное, душевное состояние, определяющееся обыденными обстоятельствами – пребыванием в концлагере и пробуждением нежных чувств к девушке.

Повседневностью Лале Соколова, заключенного номер 32407, стали наблюдение за работой газовых камер, крематориев, за тем, как осуществлялись массовые расстрелы ни в чем неповинных людей и жестокие эксперименты над ними. Он был невольным свидетелем того, как пленные, изможденные голодом, холодом, тяжелейшим трудом, находящиеся на грани жизни и смерти, каждый день боролись за каждую секунду своего существования на этом свете [6].

Лале, исполняющему обязанности татуировщика в концлагере, приходилось ежедневно наносить новым заключенным номер, заменяющий имя и фамилию. Таким образом, он не по своей воле оставлял на их теле устрашающее напоминание о том, в каком жестоком месте они находятся. Эта обстановка стала для героя тем, что некоторые ученые, занимающиеся изучением повседневности, называют «повторяемостью и рутинностью». Повседнев-

ность Лале превратилась в один бесконечный «рабочий день», полный страха и ужаса, который, однако, в любой момент мог прерваться навсегда. Данный «порядок», режим был установлен СС для содержания, устрашения пленных на территории концлагеря Аушвиц-Беркенау. Бараки, маленькая изолированная комната, чемоданчик, стол, инструменты [6, с. 60-61] связаны для заключенного номер 32407 с самыми страшными воспоминаниями. Х. Моррис воссоздает повседневность лагеря с помощью описания материальных объектов, созданных человеком. Жидкий суп, ломоть хлеба – то, что позволяло Лале выживать в условиях его страшной обыденности.

Таким образом, повседневность в книге воссоздается при помощи бинарной оппозиции: внутренний мир героя и внешний мир, его окружающий.

Повседневность Лале Соколова можно рассматривать и в рамках исторического процесса (как нечто переменное «в обыденности»). С этой точки зрения, Вторая мировая война, национал-социализм, Холокост закономерно осознаются как абсолютные социальные аномалии. Повседневность героя становится частью общественной повседневности, ее следствием, порождением, ведь татуировщик был втянут в водоворот событий не по своей воле, и его обыденность зависела от обыденности общественной, исторической. Здесь справедливо говорить уже о повседневности Соколова как об индивидуальной повседневности, «я-повседневности».

Несмотря на то, что история Лале реальна, его повседневность как героя романа творчески отрефлексирована писательницей. Об этом Хезер Моррис упоминает в начале книги: «Это художественное произведение, основанное на рассказе одного из оставшихся в живых узников Освенцима, а не документальный отчет о событиях Холокоста. Существует много официальных материалов, в кото-

рых задокументированы факты этой ужасной истории, однако такие подробности не оправданы в романе. <...> Некоторые персонажи воплотили в себе черты нескольких человек, а отдельные события я упростила. Часть встреч и бесед были созданы воображением автора, но в целом события описаны достоверно, именно так, как все было на самом деле...» [6, с. 6].

Обыденность заключенного номер 32407 действительно можно считать «усвоенным, закрепленным результатом», ведь Моррис пишет о том, что о событиях, произошедших с татуировщиком, она узнала от Соколова незадолго до его смерти. Повседневность узника, воссозданная художественно, потрясает современного читателя. Хезер Моррис, издав роман о судьбе Лале Соколова, выполнила его просьбу: «Он хотел, чтобы эту историю записали» [6, с. 303] и чтобы никогда больше не повторилась военная трагедия.

ВЫВОДЫ

Повседневность в романе Х. Моррис «Татуировщик из Освенцима» можно рассматривать с разных исследовательских

позиций. В центре повседневности всегда находится герой. Изучение повседневности означает изучение многообразных сторон жизни героя, особенностей его мира. Писателю принципиально важно, как герой существует в этой обыденности, как справляется с предлагаемыми обстоятельствами. Концлагерная повседневность, становящаяся рутинной для сотен заключенных, шокирует своей жестокостью, но в еще большей степени – тем, что человек к ней привыкает, приспосабливается и в определенной степени принимает.

Концентрационный лагерь и повседневная жизнь, в нем протекающая, становятся объектом художественной рефлексии в произведениях многих современных писателей (см., например: «Классная комната» В. Гоби, «Шарлотта» Д. Фонкиноса, «Колыбельная Аушвица» М. Эскобара, «Мальчик в полосатой пижаме» Дж. Бойна, «Чтец» Б. Шлинка и др.). Перспективным представляется не только филологическое исследование этих произведений, но и включение их в школьный курс литературы, посвященной Второй мировой войне (в рамках осуществления проектной деятельности учащихся или на уроках внеклассного чтения).

Список источников

1. Струкова Т.Г. Литература и повседневность: сопряжение. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2023. 164 с. <https://elibrary.ru/sgrubr>
2. Потанина Н.Л., Белозерова А.В. Поэтика повседневности в романах С. Фолкса // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2019. Т. 2. № 2. С. 65-72. <https://elibrary.ru/yhlvyk>
3. Воротынцева К.А. К проблеме повседневности в современной повествовательной литературе (на материале романа Ю.В. Мамлеева «Блуждающее время») // Сибирский филологический журнал. 2011. № 2. С. 101-107. <https://elibrary.ru/oijxir>
4. Иоскевич М.М. Повседневность в изображенном мире художественного произведения // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. 2019. № 2. С. 2-6. <https://elibrary.ru/vycnqk>
5. Кром М.М. Повседневность как предмет исторического исследования // История повседневности: сб. науч. работ. Санкт-Петербург: Европ. ун-т в Санкт-Петербурге, 2003. С. 7-14. <https://elibrary.ru/ywdhek>

References

1. Strukova T.G. (2023). *Literature and everyday life: the interface*. Voronezh, NAUKA-Yunipress Publ., 164 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/crpypb>
2. Potanina N.L., Belozerova A.V. (2019). The poetics of everyday life in the novel of S. Faulks. *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tatishcheva = Vestnik of Volzhsky University after V.N. Tatischev*, vol. 2, no. 2, pp. 65-72. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yhlvyk>
3. Vorotynseva K.A. (2011). On the problem of everyday life in modern narrative literature (based on Yu. Mamleev's novel the wandering time). *Sibirskii filologicheskii zhurnal = Siberian Journal of Philology*, no. 2, pp. 101-107. (In Russ.) <https://elibrary.ru/oijxir>
4. Ioskevich M.M. (2019). Everyday life in the fictional world. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A. Gumanitarnye nauki = Herald of Polotsk State University. Series A. Humanity Science*, no. 2, pp. 2-6. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vycnqk>
5. Krom M.M. (2003). Everyday life as a subject of historical research. *Istoriya povsednevnosti = Collection of Articles "History of Everyday Life"*, pp. 7-14. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ywdhek>

Информация об авторе

Фомина Алёна Андреевна, студентка института образования и общественных наук, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, fominaa899@gmail.com

Alena A. Fomina, Student of Institute of Education and Social Sciences, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, fominaa899@gmail.com

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 23.12.2024

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 12.02.2025

Принята к публикации / Accepted for publication 03.03.2025